

РЕЦЕНЗИИ

© 1994 г., ЭО, № 3

Удмурты. Историко-этнографические очерки. Ижевск, 1993. 388 с.

Монография подготовлена и выпущена в свет Удмуртским институтом истории, языка и литературы Уральского отделения РАН.

Первая монография в отечественной этнографии, посвященная удмуртам, была опубликована сто лет назад профессором Казанского университета И. Н. Смирновым (Вотяки. Историко-этнографические очерки. Казань, 1890 г.).

Потребность в новой монографии, более полно и на современном научном уровне освещающей различные стороны жизнедеятельности удмуртского этноса, ощущалась давно, но возможность ее создания появилась только в последнее время, когда был накоплен значительный фактический материал и научно разработаны (преимущественно местными учеными) некоторые проблемы удмуртского этноса.

Рецензируемая монография выгодно отличается от подобных изданий тем, что исследование этноса в ней доведено до настоящего времени и при этом рассмотрены такие обычно слабо или совсем не затрагиваемые этнографические характеристики, как этноязыковые процессы, межнациональные отношения, этническая психология.

Монография открывается главой, посвященной истории изучения удмуртского народа. Заслуженное внимание в ней уделено первым ученым-удмуртам, репрессированным в 30-е годы. Долгое время их имена замалчивались, и их вклад в изучение родного народа не был по-настоящему оценен. Материалы позволяют составить представление о степени этнографической изученности удмуртов к настоящему времени.

Еще совсем недавно трудно было нарисовать картину этногенеза и начальных периодов этнической истории удмуртов. Проводимые в последние десятилетия преимущественно местными археологами раскопки в Вятско-Камском бассейне, а также исследования лингвистов, этнографов, фольклористов и других ученых позволили вплотную подойти к освещению этой проблемы. В специальных разделах главы II впервые, хотя и в кратком изложении, показано формирование удмуртского этноса. Более полно это сделано в отношении северных удмуртов, в меньшей степени — южных. У читателя создается определенное представление об основных этапах этого процесса. Заслуживает внимания гипотеза о происхождении бесермян, хотя многое в ней остается неясным. Например, если автор считает их по происхождению южными удмуртами, то как тогда объяснить отсутствие у них такого специфического для удмуртов социального явления, как воршудная организация. Вызывает также сомнение предположение, что удмурты когда-то жили по соседству с мордвой. Дальнейшие исследования внесут свои коррективы в эту проблему, но на сегодняшний день можно отметить несомненные успехи местных ученых в решении вопросов формирования удмуртского этноса.

Заслуживает внимания раздел о расселении и демографических характеристиках удмуртов (гл. III). В нем приводится динамика численности и расселения удмуртов на протяжении последних более чем двух столетий. Наряду с показом изменений в размещении сельских удмуртов прослежен процесс роста городского удмуртского населения, при этом интересна судьба г. Глазова, который стал не только культурным центром северных удмуртов, но и городом с большим процентом жителей-удмуртов.

Более половины монографии занимают разделы с традиционной для этнографии тематикой, касающейся характеристик хозяйственной деятельности удмуртов и отдельных сторон их национальной культуры. Большим достоинством этих разделов является стремление их авторов показать эволюцию описываемого элемента культуры, начиная от дореволюционного прошлого и кончая современностью. В одних разделах такой подход оказался более удачным, в других не достиг своей цели. В большинстве случаев это можно объяснить неравномерностью изученности национальной культуры в дореволюционный период и в советское время.

В главе IV, о хозяйстве и занятиях, с большим знанием дела дана характеристика основного занятия удмуртов до революции — земледелия. Менее подробно описаны другие, типичные для удмуртов, виды занятий. Очень кратко показана хозяйственная деятельность удмуртов в советский период, главное внимание уделено степени участия удмуртского населения в тех или иных видах промышленного производства. Конец главы по полноте и обстоятельности изложения материала резко контрастирует с ее началом.

Характеристика материальной культуры удмуртов начата с описания традиционных и современных поселений и жилищ (гл. V). Показана эволюция планировки селений с ранних исторических периодов до настоящего времени, учтены ее особенности в разных районах республики. Стремясь подчеркнуть этническую самобытность в этих элементах культуры, автор считает специфически удмуртскими кенос и куалу. С таким утверждением трудно согласиться, ибо подобные постройки и с теми же функциями совсем недавно бытовали и частично еще бытуют у марийцев и северных чувашей. Скорее всего, они являются наследием местных финно-угров. И совсем неубедительно звучит предположение автора, что кенос возник у удмуртов под влиянием культуры скандинавов, что когда-то предки удмуртов жили по

соседству с последними. Известно, что подобные постройки широко бытуют в лесной полосе Восточной Европы, и наукой не зарегистрированы какие-либо факты непосредственных контактов удмуртов с населением Скандинавии.

Описание традиционной одежды (гл. VI) дано по двум основным крупным этнографическим группам удмуртов — северным и южным. Приложена карта распространения костюмных комплексов (единственная во всей монографии), которая помогает наглядно представить границы этнографических групп удмуртов. Эти группы до сих пор остаются по-настоящему не изученными. Не определено время их формирования, не выявлены их основные признаки, отличающие одну группу от другой. И в связи с этим при ознакомлении с традиционной одеждой удмуртов остается неясным, являлась ли она существенным этническим признаком, позволяющим четко отделить одну группу от другой. Заслуживает внимания попытка проследить судьбу традиционной одежды в послевоенное время вплоть до наших дней.

Описание материальной культуры заканчивается главой о системе питания (гл. VII). Глава написана живо, ее автор хорошо владеет фактическим материалом, и традиционная пища удмуртов выглядит ярким этническим признаком, несмотря на ее качественные изменения в советское время.

В социальной жизни удмуртов вплоть до коллективизации сельского хозяйства огромную роль играла соседская община. Глава, посвященная ее характеристике (VIII), сделана весьма квалифицированно, в ней всесторонне раскрыты функции общины и их эволюция в капиталистический период.

В этнографической литературе значительное место уделяется исследованию семьи, особенно современной. Ту же тенденцию наблюдаем и в рецензируемой монографии, но в ней традиционным семье и семейному быту отведено незначительное место, перечислены только общие положения, характеризующие семью (гл. IX). Главное же внимание уделено современной семье, и в основу ее описания положены материалы массовых статистико-этнографических обследований удмуртов (сельских и городских), проводившихся в 1968-м и в 1979—1980 гг. (сельских и городских), проводившихся в 1968-м и в 1979—1980 гг. Семья рассмотрена всесторонне и намечены тенденции ее дальнейшего развития. Из семейных обрядов и обычаев выделены традиционные: родильные, свадебные, похоронные и показаны они преимущественно под углом зрения их бытования в послевоенный период и в современных условиях.

Интерес в науке к роли различных конфессий в развитии общества нашел отражение на страницах монографии в виде отдельной главы о религиозных верованиях, преимущественно о язычестве удмуртов (гл. XI). Эта глава написана на высоком научном уровне, в ней коротко изложена вся система религиозно-мифологических представлений удмуртов об окружающем мире. Раскрыт пантеон языческих божеств, выделены основные культы (семейно-родовые и аграрные), показаны организация языческих молений с жертвоприношениями, взаимодействие язычества и православия и др. Однако наряду с удачно подобранными фактами, иллюстрирующими основные положения автора, в главу включены совершенно неизученные, неясные вопросы о «роде куала» и «роде луда». К сожалению, но очень убедительно звучит вывод о том, что в язычестве удмуртов наиболее полно и выразительно сохранились компоненты системы язычества древних финно-угров.

Глава X посвящена праздникам и развлечениям. Относительно традиционных праздников и развлечений сказано, что они были тесно связаны с сельскохозяйственным календарем, с различными периодами сельскохозяйственных работ. Описаны циклы календарной обрядности с сопровождающими их определенными действиями. Особый раздел в главе посвящен советским праздникам и общественному досугу.

В монографии нашлось место и для краткого описания народных знаний (гл. XII), в том числе представлений о мире и народном календаре, основах метрологии, народной медицине и народной педагогике.

В главе о народном искусстве (гл. XIII) рассмотрено устное поэтическое творчество, подчеркнута его значение для передачи информации и как воспитательного средства. Перечислены основные жанры удмуртского фольклора, особое место уделено обрядовой поэзии. Целый раздел в главе занимают материалы о народной музыке, которая подразделена на обрядовую и необрядовую. Выявлена специфика удмуртской народной музыки, заключающаяся в том, что обряды календарного или семейно-бытового циклов сопровождаются определенными, только к этим обрядам приуроченными напевами. Основное место в этом разделе уделено характеристике народных музыкальных инструментов, бытовавших в прошлом и сохранившихся в настоящее время.

В разделе о декоративно-прикладном искусстве (резьба по дереву, узорное ткачество, вышивка, плетение) показана его роль в жизни удмуртов в прошлом и настоящем.

Глава XIV посвящена характеристике профессионального искусства удмуртов, она включает и разделы о литературе, изобразительном искусстве, музыке и театре. В ней отражен процесс становления удмуртской творческой интеллигенции за годы советской власти. Прослежена эволюция различных направлений в отдельных отраслях профессионального искусства. Названы выдающиеся деятели удмуртской литературы и искусства. Глава написана профессионально и без нее невозможно представить состояние современной удмуртской культуры.

Заслуживает внимания глава XV, посвященная социальной структуре и этническим процессам. В ней прослежено формирование в советский период новых для удмуртского этноса социальных структур — рабочего класса и интеллигенции. Отмечены также изменения в структуре сельского населения. Исследование проведено в сравнительном плане с соответствующими социальными показателями русского населения. Сделана попытка выявить причины различия в социальной структуре удмуртов и русских. Отставание «в квалификационном составе удмуртов» объясняется в значительной степени тем, что удмурты сохраняют приверженность к сельскому образу жизни.

Этнические процессы рассматриваются главным образом с позиций этнической консолидации удмуртов, а также этнической ассимиляции и интеграции. Отмечено, что этническая консолидация удмур-

тов еще не завершена, так как до сих пор сохраняется деление удмуртов на северных и южных. Продолжают действовать ассимиляционные процессы, преимущественно на основе этнически смешанных браков и смены удмуртского языка на русский. Процессы интеграции преобладают среди городских жителей. Наблюдается взаимопроникновение русской и удмуртской культур.

При изучении любого этноса большое внимание уделяется функционированию его родного языка. Этой проблеме посвящена глава об этноязыковых процессах (гл. XVI), в ней прослеживается становление удмуртского литературного языка, развитие издательской деятельности на удмуртском языке. Главное внимание уделено функционированию удмуртского языка в настоящее время на производстве, в общественной жизни, семейном быту в городских и сельских условиях. Подчеркнуто широкое бытование и продолжение роста среди удмуртов удмурто-русского двуязычия, которое вызывает тревогу удмуртской общности, так как «...может привести к дальнейшему падению роли удмуртского языка, с которым связано развитие культуры удмуртского народа» (с. 351).

В монографии затронут очень важный и еще слабо разработанный вопрос о межнациональных отношениях в Удмуртии (гл. XVII). Касаясь дореволюционного периода, автор этой главы отмечает, что до конца XVIII в. межэтнические отношения между удмуртами и русскими были дружественными, а с XIX в. начали ухудшаться и особенно заметным это ухудшение стало во второй половине XIX в. Одну из причин такого явления автор видит «...в несоответствии в этот период психического склада удмуртского и русского крестьянства» (с. 355), так как психология русских крестьян в капиталистический период стала индивидуалистической. «Сознание удмуртов, их общественная психология оставались на уровне, соответствующем предыдущим этапам исторического развития. Данное несоответствие порождало у русских чувство превосходства, стремление присвоить себе статус культуртрегера, навязать собственный стереотип поведения, изменить характер общинных отношений удмуртов» (с. 355). Этот вывод, возможно, звучал бы убедительно, если бы были приведены веские доказательства в его пользу. На самом деле трудно поверить, чтобы жившие по соседству с удмуртами русские крестьяне могли «изменить характер общинных отношений у удмуртов», ибо сами находились в одинаковых с последними условиях, в том числе и социально-экономических, и также во всем зависели от своей общины, только, как отмечают исследователи, они несколько в большей степени, чем удмурты, испытывали влияние капиталистических отношений.

Анализ материалов статистико-этнографического обследования рисует картину современного состояния межэтнических взаимоотношений в Удмуртии. Из всех аспектов этих взаимоотношений основное внимание уделено двум сферам — производственной и семейно-брачной. Позитивное или негативное отношение удмуртов к контактам с русскими прослежено среди разных социально-профессиональных групп, среди городского удмуртского населения и среди сельского в различного типа населенных пунктах, учтены также половозрастные показатели.

Статистические материалы проведенного обследования свидетельствуют, что в некоторых социально-профессиональных группах одни и те же люди, негативно относящиеся к работе в этнически неоднородном коллективе, положительно воспринимают и сами вступают в межнациональные браки. Такой вывод вызывает сомнение. По-видимому, сведения, полученные путем анкетного опроса, необходимо соотносить с реальным поведением респондентов.

В последней (XVIII) главе, о некоторых чертах этнической психологии удмуртов, автор набросал лишь общую картину эволюции этнопсихологии удмуртов и, опираясь на данные статистико-этнографических обследований, сделал попытку выявить основные черты этнической психологии удмуртов в настоящее время. Он отметил «...сокращающуюся в целом „этничность“ удмуртов, быструю смену этнических установок, что в качестве основного фактора отождествления себя с этносом как среди сельских, так и среди городских удмуртов сохраняется выдающаяся роль национального языка» (с. 379). Он также констатирует, что особенностью современной национальной психологии удмуртов, «связанные с контактами с природой, ...закрепляются и продолжают до известной степени определять образ жизни и склонность к сельским видам труда» (с. 381).

Большим достоинством данной книги являются сопровождающие текст многочисленные иллюстрации, однако вызывает удивление, почему не приложена карта расселения удмуртов. Выход в свет рецензируемой монографии заполнит многие пробелы в этнографическом изучении удмуртов и представит несомненный вклад в этнографию финно-угров России.

К. И. Козлова

© 1994 г., ЭО, № 3

А. В. Смоляк. Шаман: личность, функции, мировоззрение (Народы Нижнего Амура). М., 1991. 280 с.

Первая встреча с книгой — это часто знакомство с иллюстрациями. В книге А. В. Смоляк они рождают особое чувство: в фотографиях (многие из которых цветные) выступает с очевидностью отношение исследовательницы к людям, с которыми она провела долгие экспедиционные годы. Такие лица не встретишь в свете города, они не мелькают на экране телевизора. Они полны покоя. На фотографиях — шаманы, их помощники или участники шаманских камланий. Чувствуется, что эти люди в своем спокойствии едины с окружающей природой. И еще ясно: эта связь людей, вещей и мира — не бытовой уклад, а более глубокое единство, проникнутое духовным началом.